DOI: 10.17976/jpps/2017.04.06

СОВРЕМЕННЫЙ ПОПУЛИЗМ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Г.И. Вайнштейн

ВАЙНШТЕЙН Григорий Ильич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Для связи с автором: gvoitek@yandex.ru

Вайнштейн Г.И. Современный популизм как объект политологического анализа. – Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 69-89. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.06

Статья поступила в редакцию: 27.03.2017. Принята к печати: 25.04.2017

Аннотация. С усилением в современном мире тенденций популистской политики изучение сущности современного популизма приобретает возрастающее научное значение. В статье рассматриваются основные направления политологического осмысления феномена глобального подъема популизма. Отмечаются методологические трудности концептуализации понятия популизм, осложняющие анализ многообразных манифестаций этого явления и оценку количественных параметров и качественных характеристик популистских сил в Европе. В то же время описываются некоторые особенности происходящих в последнее время изменений типологической структуры популизма. Излагая понимание политологами движущих сил расширения массовой базы популизма, автор подчеркивает доминирование в академической литературе мнений об усилении роли факторов этнокультурного характера. Особое внимание уделяется трактовке современной политологией отношений между популизмом и демократией. В заключении характеризуются основные тенденции связанных с популизмом трансформаций западного партийно-политического ландшафта.

Ключевые слова: популизм; радикализм; эрозия демократии; нелиберальная демократия; антисистемная политика; политические трансформации; этнокультурный конфликт; европейский политический ландшафт.

Подобно тому, как в конце минувшего столетия процессы глобальных демократических преобразований превратились в одну из главных тем дискурса о тенденциях мирового политического развития, с началом нынешнего столетия на первый план в этом дискурсе все заметнее выходит феномен растущей волны популизма. Особую актуальность этой проблематике придали последние успехи политики популизма, воплотившиеся в решении Великобритании о выходе из Евросоюза и избрании Д. Трампа президентом США.

В свете этих событий становится очевидным, что "фактор популизма" обрел беспрецедентное для современной эпохи влияние на судьбы мировой политики в целом. Понимание сущности этой тенденции, ее реальных масштабов, движущих сил и политического потенциала приобретает исключительное значение для анализа общественно-политических трансформаций в современном мире.

В центре внимания автора находятся публикации представителей академического сообщества, изучающих феномен популизма, руководствуясь стремлением к объективному, свободному от идеологических предубеждений осмыслению этого явления во всей разнородности и неоднозначности его манифестаций и бесстрастному анализу его динамики и возможных последствий.

Проблема концептуализации популизма

При всем обилии академических работ, посвященных проблематике современного популизма, политическая наука демонстрирует явную беспомощность в формулировании общепринятого категориального определения этого феномена. "Интуитивно, – писал известный политолог-теоретик Э. Лакло, – мы знаем, о чем идет речь, когда называем популистскими какие-либо движения или идеологии, но мы испытываем величайшие затруднения, пытаясь перевести интуицию в концепции" [Laclau 1977: 143]. Мозаичность популистских партий и организаций, страновое разнообразие форм и целей их политической активности, идеологическая всеядность их облика делают в принципе проблематичной выработку строгого категориального аппарата, позволяющего дать однозначное определение популизма, адекватно описывающее этот феномен во всей многомерности его проявлений.

Трудности с концептуализацией популистского феномена значительно осложняют идентификацию и классификацию олицетворяющих его политических сил. Весьма показательны в этом смысле результаты проекта, реализованного в 2014 г. одним из американских исследовательских центров (*2014 Chapel Hill Expert Survey-CHES)*, систематизировавшего экспертные оценки политических позиций партий, действующих на европейском континенте. Данные этого обследования, обобщившего мнения почти 350 экспертов о 268 партиях, выступающих на политической сцене 31 европейской страны (члены Евросоюза плюс Норвегия, Швейцария и Турция) [Polk et al. 2017], свидетельствуют о существовании значительных разногласий внутри академического сообщества как относительно границ популистского лагеря, так и идейно-политического облика образующих этот лагерь партий. В составленном по результатам обследования перечне европейских популистских партий [Inglehart, Norris 2016: 4], во-первых, не оказалось ряда партий, как правило причисляемых многими аналитиками к популистскому лагерю, а во-вторых, идейно-политическая маркировка партий, включенных в число популистских, в целом ряде случаев оказалась противоположной общепринятой. Так, к "левопопулистским" был причислен ряд партий, обычно рассматриваемых в качестве наиболее радикальных представителей современного правого популизма.

Существование в политической науке подобных разночтений не случайно. Подчеркивая узость популистской идеологии, отсутствие в ней самодостаточности, отличающей такие "полноценные" идеологии, как, например, социализм, либерализм, консерватизм или же национализм, опирающиеся на "цельное и всеобъемлющее мировоззрение", многие авторы обращают внимание на ее способность сочетаться с другими идеологиями, представая при этом в самом разном идейно-политическом обличии как левого, так и правого толка [Mudde 2004: 543-544; Mudde, Kaltwasser 2013]. И с этим связана возможность диаметрально противоположных суждений о идейно-политических позициях ряда популистских партий, все чаще совмещающих сегодня в своих программах левый радикализм по социально-экономическим проблемам с правым радикализмом в сфере социокультурной проблематики и межэтнических отношений, в результате чего возникает причудливая смесь разнородных воззрений и требований, трудно вписывающаяся в традиционную систему политических координат по оси "левые-правые". Такая идейно-политическая всеядность характерна, в частности, для французского Национального Фронта, выступающего как с левыми идеями антиглоба-

лизма, протекционизма, снижения налогов, социального патернализма, так и с правыми идеями противодействия политике мультикультурализма, ужесточения иммиграционного законодательства и "социального шовинизма".

О подобном переплетении идейно разнородных политических позиций свидетельствует в последнее время и эволюция ряда других не только право-, но и левопопулистских партий. Как признают аналитики, "в программах некоторых популистов сочетаются взгляды, которые обычно считаются крайне правыми, с теми, которые принято характеризовать как крайне левые", в результате чего "многие популистские партии трудно классифицировать, используя политическую терминологию прошлого столетия" [Democracy... 2015: 8].

Некоторые исследователи усматривают в этих тенденциях свидетельство рождения нового политического типа популизма – популизма эпохи постмодерна (*post-modern populism*), характерной особенностью которого становится "бриколаж праворадикальных и леворадикальных идей" [Cuperus 2009: 150-151]. Стремясь уловить сущность новых тенденций в эволюции популистского феномена, некоторые авторы (в частности те, кто анализируют его восточноевропейские разновидности) вводят в научный оборот термин "новоцентристский популизм" [Učeň 2007; Pop-Eleches 2010]. Однако в отдельных случаях результатом такого смешения разнородных элементов оказывается возникновение популистского "коктейля" столь сложного и необычного состава (например, итальянское движение "Пять звезд"), что многие аналитики вообще затрудняются его классифицировать.

Масштабы и формы европейского популизма

Со времени появления в середине 1990-х годов первых признаков вторжения популистских тенденций в политическую жизнь современного Запада популизм превратился в одну из отличительных черт общемирового политического ландшафта. "То, что одно время рассматривалось как маргинальное явление, относящееся к другой эпохе или только к отдельным частям мира, сегодня стало основой современной политики по всему миру" [Moffitt 2016: 2]. Исследования, посвященные характеристике столь различных проявлений популистского феномена, как праворадикальный антииммигрантский популизм в Австралии [Curran 2004], антиамериканский популизм на Филиппинах [Tompson 2010], "технократический популизм" в Индонезии [Mietzner 2015: 25-28], антизападный "исламский популизм" в ряде других стран мусульманского мира [Hadiz 2016], антиевропеистский популизм в Турции [Aytaç, Öniş 2014; Onar 2016] или "этнопопулизм" в странах африканского континента [Cheeseman, Larmer 2015], не говоря уже о многочисленных исследованиях антиолигархического и антиимпериалистического популизма в современной латиноамериканской политике, свидетельствуют о глобальном характере популистского подъема.

Однако важнейшую особенность этого процесса политическая наука усматривает во все большем вовлечении в орбиту популистской политики, прежде характерной лишь для стран развивающегося мира, развитых стран Запада и в особенности стран Западной Европы, чей опыт недавнего исторического прошлого, казалось бы, должен был выработать прочный антипопулистский иммунитет. Именно в связи с этой тенденцией исследователи говорят о "популистской волне" [Krastev 2007: 57], или о "популистском взрыве" [Judis 2016].

При всей публицистичности подобных оценок они вполне адекватно характеризуют нынешние изменения европейской партийно-политической

системы. Как свидетельствуют результаты упомянутого обследования *CHES*, на европейском континенте произошел именно "взрыв" популистской политики. В категорию популистских экспертами были включены 44 из всех рассмотренных ими политических партий, действовавших в 2014 г. в 31 стране [см. Inglehart, Norris 2016: 44]. Однако даже этой весьма многочисленной группой далеко не исчерпывается весь блок популистских сил, выступающих сегодня на европейской политической сцене.

Во-первых, вне поля зрения экспертов остались некоторые популистские партии, обладающие электорально значимой поддержкой населения. Во-вторых, далеко не все рассмотренные ими партии, которые другими исследователями обычно характеризуются как популистские, в данном случае были отнесены к этой категории. Наконец, в-третьих, ряд популистских партий возник уже после проведения обследования.

В целом с учетом этих уточнений число действующих в настоящее время в европейских странах популистских партий следует существенно увеличить. Авторы одного из исследований классифицируют в качестве популистских 71 партию из действовавших в 2015 г. в 26 странах ЕС [The State of Populism in Europe 2015: 6, 40-47]. В соответствии с приведенными ниже подсчетами автора этих строк (см. табл.) в настоящее время как минимум 95 партий в 31 европейской стране (Евросоюз за исключением Мальты, а также Норвегия, Швейцария, Исландия и Сербия) относятся к числу популистских.

Таблица (Table)

Партии и коалиции в странах Европы, идентифицируемые как популистские (классификация и последние электоральные показатели)

Parties and Coalitions in European Countries, Identified as Populist (Classification and Relevant Electoral Data)

Страна	Название партии	Аббревиатура и год создания	Тип популизма	Электоральный показатель (%%)	Динамика
Австрия	1. Партия свободы	FPÖ (1956)	Пр.	20,5 (2013)	+3
	2. Альянс за будущее Австрии	BZÖ (2005)	Пр.	3,5 (2013)	-7,2
	3. Команда Стронаха	(2012)	Пр.	5,7 (2013)	
Бельгия	1. Фламандский интерес	VB (2004)	Пр.	3,7 (2014)	-4,1
	2. Народная партия	PP (2009)	Пр.	1,5 (2014)	+0,2
Болгария	1. Граждане за европейское развитие Болгарии	GERB (2006)	Пр.	32,65 (2017)	0
	2. Объединенные патриоты (избирательный альянс вместо "Национального фронта за спасение Болгарии" и "Атаки")	2016	Пр.	9 (2017)	-2,7
	3. Воля	2007	Пр.	4,15 (2017)	+4,15
Великобритания	1. Партия независимости Великобритании	UKIP (1993)	Пр.	1,8 (2017)	-10,8
	2. Британская национальная партия	BNP (1982)	Пр.		
	3. Национальный фронт	NF (1967)	Пр.		
Венгрия	1. Венгерский гражданский союз (Фидес)	(1988)	Пр.	44,5 (2014)	+3,8
	2. За лучшую Венгрию (Йоббик)	(2003)	Пр.	20,5 (2014)	-8,2

Германия	1. Левая партия	Linke (2007)	Лв.	8,6 (2013)	-3,3
	2. Альтернатива для Германии	AfD (2013)	Пр.	4,7 (2013)	
	3. Национал-демократическая партия	NPD (1964)	Пр.		
Греция	1. Сириза	SYRIZA (2012)	Лв.	35,5 (2015)	-0,8
	2. Независимые греки	ANEL (2012)	Пр.	3,7 (2015)	-1,1
	3. Золотая заря	XA (1990)	Пр.	7 (2015)	+0,7
	4. Компартия	KKE (1918)	Лв.	5,6 (2015)	+0,1
	5. Народная ортодоксальная партия	LAOS (2000)	Пр.	1,0 (2015)	-0,55
	6. Курс свободы	2016	Лв.	-	
	7. Народное единство	LAE (2015)	Лв.	2,9 (2015)	
Голландия	1.Партия свободы	PVV (2006)	Пр.	13,1 (2017)	+3
	2. Социалистическая партия	SP (1971)	Лв.	9,2 (2017)	-0,5
	3. 50 Плюс	50+ (2009)		3,1 (2017)	+1,2
	4. Форум за демократию	FvD (2015)	Пр.	1,8 (2017)	
Дания	1. Датская народная партия	DF (1995)	Пр.	21,1 (2015)	+8,8
	2. Красно-Зеленый Альянс	(1989)	Лв.	7,8 (2015)	+1,1
	3. Социалистическая народная партия	SF (1959)	Лв.	4,2 (2015)	-5
	4. Новая гражданская партия	(2015)	Пр.	-	
	5. Новые правые	(2015)	Пр.	-	
Испания	1. Мы можем (Подемос) (во главе альянса – Unidos Podemos-UP)	Podemos (2014)	Лв.	21,2 (2016)	
Италия	1. Движение “Пять звезд”	M5S (2009)	?	25,1 (2013)	
	2. Северная лига	LN (1991)	Пр.	4,1 (2013)	-4,2
	3. Братья Италии	FdI (2012)	Пр.	2,0 (2013)	
Исландия	1. Пиратская партия	P (2012)	?	14,5 (2016)	+9,4
	2. Лево-Зеленый альянс	VG (1999)	Лв.	15,9 (2016)	+5,1
Ирландия	1. Шинн Фейн	Sinn Fein (1905)	Лв.	13,8 (2016)	+3,9
	2. Избирательное объединение “Альянс против жесткой экономии” (2014) – “Люди прежде прибыли”(2005)	AAA-PBP (2015)	Лв.	3,9 (2016)	
Кипр	1. Национальный народный фронт	ELAM (2008)\	Пр.	3,7 (2016)	2,6
	2. Прогрессивная партия трудящихся	AKEL (1926)	Лв.	25,7 (2016)	-7
Латвия	1. Национальный Альянс	NA (2011)	Пр.	16,6 (2014)	+2,7
	2. Сердцем за Латвию	NSL (2014)	Пр.	6,8 (2014)	
	3. Кто владеет государством?	KPV LV (2016)	Пр.		
Литва	1. Партия труда	DP (2003)	?	4,68 (2016)	-15,1
	2. Порядок и справедливость	TT (2002)	Пр.	5,6 (2016)	-1,7
	3. Путь мужества	DK (2012	?	0,3 (2016)	-7,7
Люксембург	1. Альтернативная партия демократических реформ	ADR (1987)	Пр.	6,6 (2013)	-1,5
	2. Гражданский список	(2009)	Пр.	- (2013)	
	3. Левые	(1999)	Лв.	4,9 (2013)	+1,6
Норвегия	1. Партия прогресса	FrP (1973)	Пр.	16,3 (2013)	-6,6
	2. Демократы в Норвегии	(2002)	Пр.	- (2013)	
	3. Социалистическая левая партия	SV (1975)	Лв.	4,1 (2013)	-2,1
Польша	1. Закон и справедливость	PiS (2001)	Пр.	37,6 (2015)	+7,7
	2. Конгресс новых правых	KNP (2011)	Пр.	0,03 (2015)	-1,07
	3. Кукиж’15	K ‘15 (2015)	Пр.	8,8 (2015)	
	4. Национальное движение	RN (2012)	Пр.	(в блоке с K’15)	

Португалия	1. Левый Блок в альянсе с “Вместе мы можем”(Juntos Podemos)	BE (1999)	Лв.	10,2 (2015)	5
	2. Коммунистическая рабочая пария	PCTP (1970)	Лв.	1,13 (2015)	0
	3. Партия национального обновления	PNR (2000)	Пр.	0,5 (2015)	+0,2
Румыния	1. Партия за Великую Румынию	PRM (1990)	Пр.	1,1 (2016)	-0,4
	2. Союз спасения Румынии	USR (2016)	?	8,9 (2016)	
Сербия	1. Сербская прогрессивная партия	SNS (2008)	Пр.	48,25 (2016)	-1,1
	2. Сербская радикальная партия	SRS (1991)	Пр.	8,1 (2016)	+6
	3. Социалистическая партия Сербии	SPS (1990)	Лв.	10.95 (2016)	-3,4
	4. Единая Сербия	JS (2004)	Пр.	в коалиции с SPS (2016)	-
	5. Новая Сербия	NS (1998)	Пр.	в коалиции с SNS (2016)	-
	6. Движение “Двери спрске”	Двери (1999)	Пр.	5,04 (2016)	+1,4
Словакия	1. Словацкая национальная партия	SNS (1989)	Пр.	8,6 (2016)	+4
	2. Народная партия – наша Словакия	L’SNS (2010)	Пр.	8,0 (2016)	+6,4
	3. Мы семья	(2015)	Пр.	6,6 (2016)	
Словения	1. Объединенные левые	ZL (2014)	Лв.	6,0 (2014)	-
	2. Словенская национальная партия	SNS (1991)	Пр.	2,2 (2014)	+0,4
Финляндия	1. Партия финнов	PS (1995)	Пр.	17,6 (2015)	-1,4
	2. Левый альянс	1990	Лв.	7,3 (2015)	-1,02
Франция	1. Национальный фронт	FN (1972)	Пр.	13,2 (2017)	-0.4
	2. Непокоренная Франция	FI (2016) (Вместо Левого Фронта)	Лв.	11,02 (2017)	+4,1
	3. Франция, вставай!	DLF (2008)	Пр.	1,2 (2017)	-
Хорватия	1. Хорватский демократический альянс Славонии и Варании	HDSSB (2006)	Пр.	1,4 (2015)	-0,1
	2. Живая защита	ZZ (2011)	Лв.	6,2 (2015)	+2
Чехия	1. Акция недовольных граждан	ANO (2011)	Пр.	18,65 (2013)	-
	2. Восход – национальная коалиция	USVIT (2013)	Пр.	6,9 (2013)	-
	3. Свобода и прямая демократия	SPD (2015)	Пр.	-	-
	4. Партия свободных граждан	SVOBODNI (2009)	Пр.	2,46 (2013)	+1,76
	5. Компартия Богемии и Моравии	KSCM (1989)	Лв.	14,9 (2013)	+3,6
	6. Рабочая партия социальной справедливости	DS (2003)	Пр.	0,86 (2013)	-0,28
Швейцария	1. Швейцарская народная партия	SVP-UDC(1971)	Пр.	29,4 (2015)	+2,8
	2. Лига Тичино	LEGA(1991)	Пр.	1,0 (2015)	+0,2
	3. Движение граждан Женевы	(2005)	Пр.	0,3 (2015)	-0,1
	4. Трудовая партия	PdA (1944)	Лв.	0,6 (2015)	+0,1
Швеция	1. Шведские демократы	SD (1988)	Пр.	12,9 (2014)	+7,2
	2. Левая Партия	V (1917)	Лв.	5,7 (2014)	+0,1
Эстония	1. Консервативная народная партия Эстонии	EKRE (2012)	Пр.	8,1 (2015)	-
	2. Эстонская партия центра	K (1991)	?	24,8 (2015)	+1,5

Примечание. Таблица составлена на основе электоральных показателей на последних общенациональных выборах и экспертных оценок, доминирующих в академической литературе и в специализированных источниках информации на интернет-порталах (см. *Nordsieck W*. Parties and Elections in Europe. The Database about Parliamentary Elections and Political); Parties in Europe (http://www.parties-and-elections.eu/countries.html; European Election Database (http://www.nsd.uib.no/european_election_database/election_types); http://www.electograph.com/; Wikipedia (https://en.wikipedia.org/wiki).
Введенные обозначения: пр. – правый популизм; лв. – левый популизм.

Между партиями, образующими этот широкий фронт европейского популизма, существуют значительные различия. Они отличаются друг от друга не только идейно-политическими взглядами или степенью своего радикализма, но и "весом" в политической жизни своих стран. Многие популистские партии, сумев выйти с политической периферии, превратились в реальных конкурентов партий системного мейнстрима в борьбе за власть. Опираясь на неуклонно возрастающую в последние полтора десятилетия поддержку избирателей, ряд из них увеличил свой вес в представительных органах власти, а некоторые получили доступ к исполнительной власти, возглавив правительства или войдя в правительственные коалиции. Наиболее значительных успехов в этом отношении добились популистские силы в Центральной и Восточной Европе, где популизм стал, по оценке некоторых авторов, неким "политическим мегатрендом" [Agh 2016]. В то же время существует и ряд популистских партий, остающихся политическими маргиналами, не влияющими на баланс политических сил в своих странах.

Между тем европейский популизм в целом представляет собой чрезвычайно динамичное явление. Некоторые лишь недавно возникшие популистские партии сумели буквально с нуля всего за несколько лет своего существования выйти на политическую авансцену (греческая Сириза, испанская Подемос, итальянское движение "Пять звезд", немецкая АдГ, румынский Союз спасения Румынии, польская Кукиж'15).

Определенная волатильность электорального поведения европейцев делает практически неразрешимой задачу точной оценки существующего на данный момент уровня массовой поддержки популистских партий. Его конкретные показатели, приводимые в исследованиях отдельных страновых казусов европейского популизма или электоральной базы популизма в отдельных регионах континента, зачастую устаревают уже к моменту их публикации. Еще сложнее оценить нынешнюю массовую базу популизма в общеевропейском масштабе.

Данные, приводимые голландским политологом Ст. Ван Кесселем [Kessel 2015], проанализировавшим электоральные показатели популистских партий в 31 стране Европы за период 2000-2013 гг., уже в значительной мере устарели. Широкий массив более свежей электоральной статистики, касающейся европейских популистских партий, обобщен в упомянутом исследовании американских политологов Р. Инглхарта и П. Норрис. По их подсчетам, средний показатель поддержки правопопулистских партий в 24 странах Европы составил к середине нынешнего десятилетия 13,7%, а левопопулистских – 12,7% [Inglehart, Norris 2016: 23, 37]. И хотя авторы не уточняют, о каких именно странах идет речь и какие партии классифицированы в качестве право- или левопопулистских, приведенная ими суммарная оценка электоральной базы европейского популизма (26,5%), скорее всего действительно соответствует ее реальным масштабам.

Показательно, что обобщение электоральных результатов популистских партий 31 страны Европы на всеобщих выборах в период с 2013 по первую половину 2017 г., приведенных в прилагаемой таблице (см. табл.), дает общий средний показатель электоральной базы популизма, практически совпадающий с оценкой Р. Инглхарта и П. Норрис – 26,3%. Особо широкие масштабы популизм приобрел в странах Центральной и Восточной Европы: в 12 странах этого региона в указанный период действовало 38 популистских партий, а средний

показатель их электоральной поддержки на выборах 2013-2017 гг. составил 32%, тогда как на 19 стран Западной Европы приходится 57 популистских партий со средним уровнем электоральной поддержки на выборах этого периода 24,3%.

Усиление популистских политиков, произошедшее в ряде европейских стран еще на рубеже прошлого и нынешнего столетий, в последние годы приобрело особенно внушительный характер. Популистские партии (в большей степени правого толка, но также и левые) все прочнее обосновываются на политической сцене всех стран континента.

Основное внимание в академической литературе уделяется феномену правого популизма [Ignazi 2003; Norris 2005; Mudde 2007]. Хотя некоторые авторы предостерегают от переоценки его политического влияния [Mudde 2013], в целом правопопулистские партии характеризуются как "наиболее успешная европейская партийная семья" за последние четверть века [Painter 2013: 9]. К. Мудд говорит о правых популистах не только как о наиболее успешной политической семье за весь послевоенный период, но и как о единственной новой партийной семье, ставшей значимым фактором политического процесса как в Западной, так и в Восточной Европе [Mudde 2014: 217]. Думается, однако, что с учетом существенного усиления в последнее десятилетие позиций левых популистов вся "семья" популистских партий выглядит сегодня наиболее успешной среди политических сил, образующих европейское партийно-политическое пространство. По мнению американского политолога Ф. Закария, в настоящее время вообще можно говорить о "процветании" и правого, и левого "вариантов" популизма не только в Европе, но и в США, о чем свидетельствует широкая популярность левопопулистской риторики Берни Сандерса во время президентской кампании 2016 г. [Zakaria 2016: 9].

Между тем успешность популистской политики выражается не только в непосредственном продвижении популистов к рычагам власти, но и в их опосредованном влиянии на политический процесс и общественно-политическую атмосферу в странах Запада. Хотя электоральные успехи европейских популистских партий позволили некоторым из них войти в правительственные коалиции, в целом популисты остаются далеки от прямого влияния на характер национальной политики. В то же время они добиваются все большего успеха в давлении на системные партии, заставляя их не только прибегать к чисто внешнему заимствованию популистской риторики, но и перехватывать у своих популистских оппонентов и интегрировать в собственную политику существенные элементы популистских программ.

Ряд исследований последних лет свидетельствует о радикализации под влиянием популистских сил позиций системных партий в вопросах мультикультурализма [Han 2015], иммиграционной политики [Carvalho 2013] или же политики социального обеспечения [Schumacher, Kersbergen 2016]. Именно это "косвенное" воздействие популистов на политику системного истеблишмента стало основным направлением их вмешательства в политический процесс, ведущего к значительному переформатированию политической повестки дня. Один из наиболее показательных тому примеров – роль британской *UKIP* в инициировании общенационального референдума, приведшего к выходу Великобритании из Евросоюза.

В подобных явлениях представители академического сообщества видят свидетельство "популистского заражения" (*populist contamination*) системной политики и системного политического дискурса [Rydgren 2005; Mazzoleni

2008: 57]. К. Мудд считает возможным говорить о "популистском духе" современной эпохи (*populist Zeitgeist*) [Mudde 2004: 542] и пишет о том, что популизм (особенно в его праворадикальном варианте) превратился из "нормальной патологии" западного общества (т.е. обычного для этого общества явления, существующего на его политической периферии и характеризующего взгляды маргинальных общественных групп) в некую "патологическую норму" общественного мировоззрения (*pathological normalcy*), лишь представляющую в более или менее радикализированном виде идеи, разделяемые ныне широкими слоями населения и частью политического мейнстрима [Mudde 2010: 1176-1181].

Движущие силы популистского подъема

Появление в последние годы в Европе множества новых популистских партий наряду с расширением электоральной поддержки уже существующих поставило политическую науку перед необходимостью осмысления причин укрепления популистского феномена на политической сцене западного общества. Особую актуальность этой проблеме придал мировой экономический и финансовый кризис, разразившийся в минувшем десятилетии.

С одной стороны, волна популизма пробудила ассоциации с периодом Великой Депрессии, вызвавшей резкий всплеск праворадикального популизма на европейском континенте. С другой стороны, нынешний экономический кризис предоставил политологам богатый социологический материал, позволяющий проверить правомерность этих ассоциаций.

Общий вывод ряда исследований – отсутствие сегодня прямых причинно-следственных связей между экономическими потрясениями кризисного периода и подъемом популизма [Moffitt 2015: 189]. Наряду с примерами, выглядящими подтверждением тезиса об экономическом детерминизме популистских тенденций, существуют многочисленные примеры, опровергающие его. Популизм правого толка процветает как в странах, переживающих глубокий экономический спад, так и в экономически благополучных странах. В равной мере в ряде стран, независимо от их экономических показателей, наблюдается ослабление позиций некоторых еще недавно электорально успешных правопопулистских партий.

Как констатирует К. Мудд, при сравнении результатов, полученных популистами на выборах в странах Евросоюза в докризисный период 2005-2008 гг., с их результатами на выборах в кризисный период 2009-2013 гг. больше всего обращает на себя внимание "поразительное отсутствие серьезного электорального успеха правых популистов" [Mudde 2013]. Отсутствие убедительных свидетельств взаимосвязи между кризисными процессами в экономике и электоральными показателями популистов подтверждается и недавно опубликованным масштабным компаративистским исследованием европейского популизма [European Populism... 2015]. Обобщая приведенные в нем электоральные данные по 18 странам в разных регионах Евросоюза, координаторы исследования утверждают, что "корреляция между экономическими тяготами и ростом популизма весьма незначительна" и что "в период Великой Рецессии увеличение массовой поддержки популизма в Европе составило лишь 4,1%"[1]. В целом эмпирические исследования динамики электоральных показателей европейских популистов

[1] Pappas T. 2015. It's Not Just the Economy, Stupid. – *Policy Network*. 12.08. URL: http://www.policy-network.net/pno_detail.aspx?ID=4960&title=It's+not+just+the+economy%2C+stupid (accessed 26.04.2017). Также см. [Pappas, Kriesi 2015a: 323].

в период между выборами, предшествовавшими экономическому кризису, и их следующим циклом рисуют картину, существенно отличающуюся от той, которой характеризовались времена Великой депрессии 1930-х годов[2].

Авторы, критически оценивающие концепцию экономической детерминированности популистского подъема, подчеркивают, что этот процесс начался еще до мирового экономического кризиса (и продолжается, добавим мы, несмотря на нынешнее экономическое оздоровление европейских стран). В академическом сообществе доминирует мнение о том, что в основе популистского тренда лежит широкий комплекс факторов, в ряду которых экономический – лишь один из многих. Общая причина успехов популизма – созвучность его антисистемного пафоса настроениям весьма широких социальных слоев, недовольных общественно-политическими, социально-экономическими и этнокультурными трансформациями западного социума.

При таком видении движущих сил популистского подъема само понятие "кризис" приобретает широкий смысл ("кризис политической и общественной системы в целом" [Cuperus 2007: 147]), а показателями его остроты оказываются уже не столько конкретные социально-экономические индикаторы, сколько возрастающие в массах общие ощущения масштабности изменений, разрушающих привычный общественный порядок и социальные ожидания. Признавая, что нарастание этих ощущений в определенной мере связано с кризисными явлениями в экономике, академическое сообщество рассматривает сам по себе экономический кризис не как причину расширения популистского начала в европейской политике, а лишь как некий катализатор, усиливший роль ряда других факторов [Kriesi, Pappas 2015: 2-3].

Одно из широко освещаемых политической наукой слагаемых этого комплекса факторов – институциональный кризис западной модели представительной демократии. Э. Лакло, считавший, что "определенная степень кризиса является необходимой предпосылкой популизма", подчеркивал, что именно кризис системы представительных институтов "лежит в основе любого популистского антиинституционального взрыва" [Laclau 2005: 177, 139]. Многообразные проявления развивающегося уже на протяжении довольно длительного периода кризиса представительной системы власти порождаются постепенным размыванием идейных основ партийного размежевания и соответствующим укоренением центристского начала в европейской политике. Бельгийская исследовательница Ш. Муфф выдвигает концепцию возникновения деполитизированной "постполитики", объясняющую процветание популизма вымыванием конфликтности из сферы системной политики ("консенсусная политика без соперников") и соответствующим превращением популистских партий в единственную политическую силу, предлагающую массам внятные критерии партийной идентификации [Mouffe 2005: 53-55].

Все большая эрозия сущностных различий между главными партиями европейского мейнстрима влечет за собой отчуждение масс от системной политики. "Партии мейнстрима становятся все ближе друг к другу и все дальше от людей" [Albertazzi, McDonnell 2008: 220]. Это сближение основных массовых партий, при котором у граждан существует, как пишут некоторые авторы, воз-

[2] По данным, собранным группой британских политологов, средний показатель электоральной поддержки праворадикальных антисистемных партий в 21 стране Европы на выборах, предшествовавших Великой Депрессии 1929 г., составивший 1,4%, увеличился на выборах 1930-х годов почти в шесть раз – до 7,9% [De Bromhead et al. 2013: 376-379].

можность "менять только правительства, но не политику" [Krastev 2007: 59], "открыло политическое пространство для выступающих против политического истеблишмента аутсайдеров", утверждающих, что только они являются выразителями подлинных политических альтернатив [Cuperus 2004: 17].

Другим фактором, который, по мнению многих авторов, обрел важнейшее значение для усиления популистских тенденций, стало изменение мотивации партийно-политического выбора широких слоев европейского населения. Наряду с мотивами социально-экономического характера существенную, а зачастую определяющую роль играет сегодня разнородный комплекс мотивов социокультурного характера. Недовольство граждан западных (в первую очередь западноевропейских) стран процессами разрушения их культурно-цивилизационной идентичности все отчетливее проецируется в политическую сферу. Растущая культурно-цивилизационная неоднородность западного мира порождает в нем усиление тенденций, определяемых известным словенским культурологом и философом С. Жижеком как "культурализация политики" [Žižek 2008: 660], т.е. возрастание влияния на политическую жизнь культурно-цивилизационных антагонизмов, дополняющих социально-классовые антагонизмы, а в ряде случаев приходящих им на смену.

Слепая приверженность политического истеблишмента принципам политкорректности, обусловившая длительное табуирование проблем углубляющихся этнокультурных противостояний, и его убежденность в безальтернативности политики мультикультурализма позволили правым популистам стать единственными выразителями массовых озабоченностей, порождаемых новыми для западного общества антагонизмами культурного характера. В условиях разнородности социально-экономических интересов масс правые популисты артикулируют "массовые жалобы" в понятиях культуры, а не экономики, превратив обращение к "культурным тревогам" европейцев в эффективный "общий знаменатель их политической мобилизации" [Kriesi, Pappas 2015: 3].

Между тем многие политологические публикации отмечают в качестве еще более общего "знаменателя" антисистемной, пропопулистской мобилизации масс их негативное отношение к процессами глобализации. По сути дела, в антиглобалистских настроениях значительной части западного общества отражается вся гамма общественных недовольств (как социально-экономического, так и культурно-цивилизационного и политико-институционального характера), создающих питательную среду для укрепления популизма во всех его политических оттенках.

Авторы одного из компаративистских исследований приходят к выводу о том, что поддержка популистских партий является реакцией масс на быстрые и тревожные изменения, произошедшие вследствие глобализации, повлекшей за собой всеобъемлющее разрушение традиционного уклада жизни и расколовшей общество на "выигравших" и "проигравших" [Kriesi et al. 2006]. Развивая мнение о популизме как "о средстве протеста проигравших от нынешнего модернизационного процесса", швейцарский политолог Р. Куперус пишет: "Популизм, протекционизм или 'политика обособления' могут рассматриваться как реакция страха и недовольства глобализацией, денационализацией или детрадиционализацией; как некий бунт против экономического и культурного либерализма, являющегося идеологией современных интернализированных профессиональных элит; как выступление против универсалистской или космополитической глобальной деревни, лишенной границ и различий" [Cuperus 2007: 155].

ПОПУЛИЗМ ПРОТИВ ДЕМОКРАТИИ?

Значительные разногласия в политологической литературе вызывает вопрос о взаимоотношении между сегодняшним популизмом и демократией.

Часть авторов рассматривает нынешний подъем популизма как фактор, играющий однозначно разрушительную роль с точки зрения стабильности демократической модели политического устройства. В этом мнении отражаются традиционные представления о популизме, сложившиеся под влиянием исторических реалий его прежних паттернов, в частности – первой половины прошлого столетия. В наиболее категоричной форме оно было высказано в 1990-е годы французским философом и политологом П.-А. Тагиеффом, охарактеризовавшим произошедшую в этот период активизацию популистских сил как "болезнь", или "патологию" западной демократии [Taguieff 1995].

Авторы, пишущие об антидемократической сущности популизма, подчеркивают его принципиальную враждебность нынешней институциональной форме демократического устройства, основанной на механизмах и процедурах представительства и компромиссного согласования разнородных интересов и мнений, присутствующих в современном западном обществе. Некоторые политологи полагают, что популизм, "принижающий значение прав личности в демократии, может выжить только став авторитарным и деспотичным" [Abts, Rummens 2007: 421]. Как пишет итальянская исследовательница Н. Урбинати, "популизм соотносится с представительной демократией, так же как демагогия соотносится с прямой демократией", будучи неким феноменом, который, "существуя внутри парламентской демократии, паразитирует на ней" с целью ее уничтожения [Urbinati 2013: 137, 145].

Однако, начиная с первой половины минувшего десятилетия, в академических публикациях все шире распространяется мнение об упрощенности восприятия современного популизма как безусловной "угрозы демократии", поскольку оно не учитывает негативные процессы в функционировании самой демократической системы, ведущие к сужению возможностей ее представительных институтов реагировать на общественные запросы и, как следствие, усилению отчужденности масс от системной политики, исповедующей принципы политического либерализма. Возрождение в европейских странах разных форм популизма, общей особенностью которых является их антилиберальность, служит "чрезвычайно сильным симптомом политического кризиса в Европе и особенно кризиса, претерпеваемого либерализмом" [Chopin 2016: 2]. Многие исследователи, не ограничиваясь констатацией деструктивного значения популистского подъема, связывают с ним и некоторый потенциал конструктивной трансформации демократической модели.

Таким образом, знаменательной тенденцией эволюции политологических подходов к осмыслению популизма становится, с одной стороны, освобождение от идеализированных представлений о демократии, а с другой – преодоление традиционной склонности к безоговорочной демонизации популистского феномена. Крайне показательной в этом смысле выглядит емкая формула К. Мудда, характеризующего популизм как "некую нелиберальную, но демократическую реакцию на десятилетия недемократической, но либеральной политики" [Mudde 2016: 30].

Одной из первых академических публикаций, поднявших проблему многозначности популизма, стала вышедшая в середине прошлого десятилетия

коллективная монография "Популизм и зеркало демократии". Как писал во вступительной статье ее редактор Ф. Паницца, популизм, поднимающий "неудобные" вопросы относительно современной формы демократии и представляющий зачастую "уродливое лицо" масс, не является ни высшей формой демократии, ни ее врагом, а лишь "неким зеркалом, в котором демократия может созерцать себя... обнаруживая, что она собой представляет и чего ей не хватает" [Panizza 2005: 30]. Автор одной из вошедших в монографию статей, обосновывая тезис о многовариантности взаимоотношения популизма с демократической политикой, писал, что, во-первых, популизм является особым типом представительства массовых интересов, во-вторых, служит неким "будоражащим демократию" симптомом недостатков нынешней модели представительства, а в-третьих, может оказаться силой, способной как трансформировать, так и разрушить эту модель [Arditi 2005: 98].

Точка зрения авторов монографии получила дальнейшее развитие в ряде последовавших за ней публикаций, критикующих представление о популизме как явлении сугубо негативном и указывающих на наличие в нем не только отрицательных, но и положительных качеств [Schmitter 2006; Populism in Europe and Americas... 2012; Kriesi 2014]. В частности, критике подверглось мнение о несовместимости популизма с системой представительной демократии. Хотя многие из популистов, пишут Мудд и Калтвассер, действительно выступают за усиление роли плебисцитарных инструментов в политическом процессе, на самом деле популизм является противником не представительной системы как таковой, а того возобладавшего сегодня "порочного типа представительства, который наделяет властью элиту, лишая голоса народ" [Mudde, Kaltwasser 2012: 17].

В целом видение политической наукой сегодняшней сущности популистского феномена позволяет говорить о том, что вирус популизма, породивший в Европе прошлого века тоталитарные эпидемии, в современном западном обществе претерпел существенную мутацию. Использование самого термина "популизм", перегруженного отрицательными коннотациями, оказывается уже недостаточным для конкретизации реального содержания стоящего за ним явления. Как иронизирует Ф. Фукуяма, этот термин зачастую становится "ярлыком, который элиты навешивают на политику, которую поддерживают обычные граждане, но которая не нравится самим элитам" [Fukuyama 2016: 68]. Поэтому в некоторых политологических публикациях речь идет о введении в научный оборот термина "новый популизм", который позволил бы подчеркнуть конкретно-историческую специфику нынешних популистских тенденций. Если популизм прежних времен, пишет, в частности, Р. Куперус, был исключительно синонимом праворадикальной агрессивной демагогической ксенофобии, то нынешний популизм может быть охарактеризован как "восстание против нового мира, каким он задуман и воплощается господствующими политическими, культурными и экономическими элитами, нового глобального мира, движимого международными силами экономического и культурного либерализма" [Cuperus 2007: 151].

По сути в значительной части политологического сообщества сформировалось понимание сущности сегодняшнего популизма не как отрицания им самой демократии, а как неприятия ее либеральной модели. "Популизм, – приходит к выводу К. Мудд, – враждебен не представительной демократии, а скорее идее и институтам *либеральной* демократии или *конституциональной* демократии" [Mudde 2004: 561]. Другой авторитетный исследователь современного популиз-

ма Т. Паппас утверждает, что, вопреки концепциям, противопоставляющим это явление демократии, популизм – это "особый тип или разновидность представительной демократии ('популистская демократия'), отличающаяся от другой ее разновидности – политического либерализма" [Pappas 2014: 3-4]. "Популистские демократии, – продолжает автор, – безусловно являются демократиями, но в большей или меньшей степени – нелиберальными демократиями" [ibid.: 4]. По его мнению, современный популизм можно определить как "нелиберальный феномен, возникающий в специфическом историческом контексте современной представительной демократии и находящийся в оппозиции к принципам политического либерализма" [Pappas 2015: 12].

Заключение: популизм как фактор политических трансформаций

Нарастание популистских тенденций в общественно-политическом развитии западного мира при всем страновом многообразии их масштабов и проявлений становится в нынешнем столетии одним из важнейших направлений политических трансформаций. Они выражаются как в структурных, так и в качественных изменениях политического пространства. В Соединенных Штатах, где структура политического процесса по-прежнему определяется безусловным доминированием двух основных партий, можно говорить лишь о глубоких качественных сдвигах в политической жизни.

Более сложный, многообразный и многомерный характер имеют происходящие в связи с укреплением популизма политические трансформации в Европе.

Одним из их наиболее очевидных проявлений становится переформатирование структуры европейского партийно-политического ландшафта. Возрастание роли "популистского фактора" меняет соотношение сил, участвующих в политическом процессе европейских стран, ведя в конечном счете к размыванию той практически неоспоримой монополии на политическую власть, которой еще в недавнем прошлом обладали системные партии традиционного политического мейнстрима. Вчерашние аутсайдеры-популисты становятся реальными участниками партийного противоборства. Реальностью нынешней расстановки политических сил в ряде европейских стран оказывается растущая фрагментация политического ландшафта и кризис традиционной двухпартийной политики.

Заметные изменения наблюдаются и в самом популистском лагере. Существенное усиление позиций левопопулистских партий и коалиций, произошедшее в последнее время в ряде стран, а также появление популизма, лишенного отчетливой идейно-политической ориентированности, привели к усложнению структуры "популистского фронта" и утрате монополии правого популизма на антисистемную политику.

Другой аспект происходящих трансформаций – качественные сдвиги в содержании политического процесса. Популистские партии, артикулирующие без оглядки на какие-либо условности существующей политкорректности реальные озабоченности европейцев (а заодно и возбуждающие эти озабоченности), все увереннее навязывают партиям системного мейнстрима политическую повестку дня по ряду волнующих общество вопросов – таких как евроинтеграция и ее соотношение с национальными интересами европейцев, культурная политика, отношение к этническим и религиозным меньшинствам (в первую очередь мусульманским), иммиграционная и социальная политика и т.д.

Это утверждение популистов в качестве равноправных участников политического противоборства, судя по всему, уже набрало в ряде ведущих стран Европы необратимую динамику и, несмотря на все конъюнктурные колебания общественных настроений, ресурс массовой поддержки популизма в целом не снижается. В большинстве европейских стран общие показатели поддержки популистских партий или сохраняются на уровне, достигнутом ими на последних общенациональных выборах, или продолжают возрастать. Если еще в сравнительно недавнем прошлом эпатирующий, бросающий вызов всем табу общепринятой политкорректности стиль поведения популистов отталкивал от них многих рядовых избирателей, то с усилением общественных разочарований в политике системных партий массовые представления о допустимом и недопустимом в политике резко изменились. Произошла существенная радикализация общественно-политических настроений масс, которая все в большей степени влечет за собой усиление радикалистского начала в политике. Общие сдвиги в общественно-политическом климате вызывают соответствующие изменения в позициях определенной части системного истеблишмента. Стремление его представителей противостоять оттоку от них избирателей к популистским оппонентам вынуждает их не только прибегать к чисто внешнему заимствованию популистской риторики, но и перехватывать у популистов и интегрировать в собственную политику некоторые существенные элементы предлагаемых ими решений, радикализируя тем самым свои позиции по ряду вопросов.

Другим, все более заметным проявлением политических трансформаций, становится определенное выхолащивание либерального компонента демократической модели политического устройства. Сегодняшние политические реалии все отчетливее обнаруживают, что либерально-демократический консенсус, ставший одной из важнейших составляющих центристской политики, объединяющей политический истеблишмент и размывающей сущностные различия между его представителями, в конечном счете оборачивается их безразличием к воле значительной части избирателей. На этом фоне активизация радикалистских, антилиберальных по своей сути тенденций в политике, основными выразителями которых являются популисты, воспринимается определенной частью европейцев как свидетельство появления у них реальных политических альтернатив.

В свете этих тенденций, все больше разрывающих вчера еще казавшееся неразъемным единство демократии и политического либерализма, возрастает актуальность вопроса о перспективах происходящих изменений. Нынешняя перестройка западного партийно-политического пространства далека от завершения, и ее окончательные последствия выглядят сегодня довольно туманными. Вместе с тем представляется, что нынешние политические трансформации потребуют от политологии решения довольно трудной с аналитической точки зрения проблемы разграничения популистских и системных политических сил. В настоящее время эта проблема решается, как правило, путем довольно прямолинейного противопоставления традиционного системного истеблишмента антисистемным партиям и движениям, бросающим ему вызов. Однако в условиях, с одной стороны, неуклонной демаргинализации популистских сил, ведущей в ряде случаев к их превращению в часть системного мейнстрима, а с другой – радикализации системной политики, подобная практика не способствует пониманию сущности партийно-политических изменений в западном мире.

Особое значение эта проблема имеет для ряда стран "новой Европы". В этом регионе, где полвека посткоммунистического развития не привели к образованию устойчивых партийно-политических структур, аналогичных западноевропейским, имеет место скорее не переформатирование под давлением популизма сложившегося политического пространства, как это происходит в Западной Европе, а формирование системной политики под знаком доминирования в этом процессе популистского начала. В результате в значительной части региона популистские силы или оказываются сегодня во власти (Венгрия, Польша, Болгария), или становятся важнейшим элементом партийно-политического ландшафта (Словакия, Сербия, Чехия, Эстония). Значительную актуальность уточнение соотношения популизма и системной политики обретает в свете нынешних сдвигов и на политической сцене США. Далека эта проблема от решения также и в некоторых странах "старой Европы" (Греция, Норвегия, Финляндия), в которых изначально "антисистемные" популистские партии, добившись участия в структурах власти, де-факто стали частью политического истеблишмента.

Думается, что сегодня, когда укрепление позиций популистских сил позволяет ряду их представителей бороться за доминирование на политической сцене своих стран, главным смыслом существования популизма в западном мире становится уже не столько отрицание системной политики, сколько формирование и утверждение ее новых параметров. И это, по сути дела, ставит в повестку дня вопрос о выработке нового политологического вокабуляра, необходимого для более адекватной характеристики нынешних тенденций политических сдвигов.

Abts K., Rummens S. 2007. Populism versus Democracy. – *Political Studies*. Vol. 55. No. 2. P. 405-424. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2007.00657.x

Agh A. 2016. Increasing Europopulism as a Megatrend in East-Central Europe. – *Baltic Journal of Political Science*. No. 5. P. 21-39.

Albertazzi D., McDonnell D. 2008. Conclusion: Populism and Twenty-First Century Western Democracy. –*Twenty-First Century Populism: The Spectre of Western European Democracy*. Ed. by D. Albertazzi, D. McDonnell. N.Y.: Palgrave Macmillan. P. 217-224.

Arditi B. 2005. Populism as an Internal Periphery of Democratic Politics. –*Populism and the Mirror of Democracy*. Ed. by F. Panizza. London, New York: Verso. P. 72-98.

Aytaç S., Öniş Z. 2014. Varieties of Populism in a Changing Global Context: The Divergent Paths of Erdogan and Kirchnerismo. – *Comparative Politics*. Vol. 47. No. 1. P. 41-59. DOI: https://doi.org/10.5129/001041514813623137

Carvalho J. 2013. *Impact of Extreme Right Parties on Immigration Policy*. London: Routledge. 272 p.

Cheeseman N., Larmer M. 2015. Ethnopopulism in Africa: Opposition Mobilization in Diverse and Unequal Societies. – *Democratization*. Vol. 22. No. 1. P. 22-50. DOI: https://doi.org/10.1080/13510347.2013.809065

Chopin Th. 2016. The "Populist Moment": Towards a "Post-Liberal" Europe? – *Foundation Robert Schuman. Policy Paper No. 414*. 8 p.

Cuperus R. 2004. The Fate of European Populism. – *Dissent*. Vol. 51. No. 2. P. 17-20.

Cuperus R. 2007. Populism Against Globalization: A New European Revolt. – Buonfino A. et al. *Rethinking Immigration and Integration: A new Centre-Left Agenda*. P. 147-165. London: Policy Network. 190 p.

Curan G. 2004. Mainstreaming Populist Discourse: Race-Conscious Legacy of New-Populist Parties in Australia and Italy. – *Patterns of Prejudice*. Vol. 38. No. 1. P. 37-55. DOI: https://doi.org/10.1080/0031322032000185578

de Bromhead A. et al. 2013. Political Extremism in the 1920s and 1930s: Do German Lessons Generalize? – *Journal of Economic History*. Vol. 73. No. 2. P. 371-406. DOI: https://doi.org/10.1017/S0022050713000302

Democracy on the Edge. Populism and Protest. 2015., London: The Economist Intelligence Unit. 58 p.

European Populism in the Shadow of the Great Recession. 2015. Ed. by H. Kriesi, T. Pappas. Colchester: ECPR Press. 394 p.

Fukuyama F. 2016. American Political Decay or Renewal? – *Foreign Affairs*. Vol. 95. No. 4. P. 58-68.

Hadiz V. 2016. *Islamic Populism in Indonesia and the Middle East*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press. 203 p. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9781316402382

Han K. 2015. The Impact of Radical Right-Wing Parties on the Positions of Mainstream Parties Regarding Multiculturalism. – *West European Politics*. Vol. 38. No. 3. P. 557-576. DOI: https://doi.org/10.1080/01402382.2014.981448

Ignazi P. 2003. *Extreme Right Parties in Western Europe*. New York: Oxford University Press. 272 p.

Inglehart R., Norris P. 2016. *Trump, Brexit, and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and Cultural Backlash*. Faculty Research Working Paper, RWP16-026. Harvard Kennedy School of Government. 53 p.

Judis J. 2016. *The Populist Explosion: How the Great Recession Transformed American and European Politics*. Columbia Global Reports. 184 p.

Kessel St. 2015. *Populist Parties in Europe: Agents of Discontent?* Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan. 239 p.

Krastev I. 2007. The Strange Death of the Liberal Consensus. – *Journal of Democracy*. Vol. 18. No. 4. P. 56-63.

Kriesi H. 2014. The Populist Challenge. – *West European Politics*. Vol. 37. No. 2. P. 361-378. DOI: https://doi.org/10.1080/01402382.2014.887879

Kriesi H. et al. 2005. Globalization and the Transformation of the National Political Space: Six European Countries Compared. – *European Journal of Political Research*. Vol. 45. No. 6. P. 921-956. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2006.00644.x

Kriesi H., Pappas T. 2015. Populism in Europe During Crisis: An Introduction. – Ed. by H. Kriesi, T. Pappas. *European Populism in the Shadow of the Great Recession*. P. 1-19.

Laclau E. 1977. *Politics and Ideology in Marxist Theory: Capitalism-Fascism-Populism*. London: NLB. 203 p.

Laclau E. 2005. *On Populist Reason*. London: Verso. 276 p.

Mazzoleni G. 2008. Populism and the Media. –*Twenty-First Century Populism: The Spectre of Western European Democracy*. Ed. By D. Albertazzi, D. McDonnell. New York: Palgrave Macmillan. P. 49-64.

Mietzner M. 2015. *Reinventing Asian Populism. Jokowi's Rise, Democracy, and Political Contestation in Indonesia*. Policy Studies. No. 72. Honolulu, Hawai'i. 91 p.

Moffitt B. 2015. How to Perform Crisis: A Model for Understanding the Key Role of Crisis in Contemporary Populism. – *Government and Opposition*. Vol. 50. No. 2. P. 189-217. DOI: https://doi.org/10.1017/gov.2014.13

Moffitt B. 2016. *Global Rise of Populism: Performance, Political Style, and Representation*. Stanford, Calif.: Stanford University Press. 248 p.

Mouffe Ch. 2005. The "End of Politics" and the Challenge of Right-Wing Populism. – *Populism and the Mirror of Democracy.* Ed. by F. Panizza. London, New York: Verso. P. 50-72.

Mudde C. 2004. The Populist Zeitgeist. – *Government and Opposition*. Vol. 39. No. 4. P. 542-563. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x

Mudde C. 2007. *Populist Radical Right Parties in Europe.* New York: Cambridge University Press. 404 p.

Mudde C. 2010. The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy. – *West European Politics.* Vol. 33. No. 6. P. 1167-1186. DOI: https://doi.org/10.1080/01402382.2010.508901

Mudde C. 2013. Three Decades of Populist Radical Right Parties in Western Europe: So What? – *European Journal of Political Research*. Vol. 52. No. 1. P. 1-19. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2012.02065.x

Mudde C. 2014. Fighting the System? Populist Radical Right Parties and Party System Change. – *Party Politics*. Vol. 20. No. 2. P. 217-226. DOI: https://doi.org/10.1177/1354068813519968

Mudde C. 2016. Europe's Populist Surge. – *Foreign Affairs.* Vol. 95. No. 6. P. 25-30.

Mudde C., Kaltwasser Ch. 2013. Populism. – *The Oxford Handbook of Political Ideologies.* Ed. by M. Freeden, M. Stears. Oxford: Oxford Publishers Press. P. 493-513.

Mudde C., Kaltwasser Cr. 2012. Populism and (Liberal) Democracy: A Framework for Analysis. – Mudde C., Kaltwasser Cr. (eds.). *Populism in Europe and Americas: The Threat or Corrective for Democracy?* Cambridge: Cambridge University Press. P. 1-26.

Norris P. 2005. *Radical Right: Voters and Parties in the Electoral Market.* N.Y.: Cambridge University Press. 366 p.

Onar N. 2016. The Populism / Realism Gap: Managing Uncertainty in Turkey's Politics and Foreign Policy. – *The Center on the United States and Europe at Brookings, Turkey project. No. 8.* Washington. 24 p.

Painter A. 2013. *Democratic Stress, the Populist Signal and Extremist Threat: A Call for a New Mainstream Statecraft and Contact Democracy*. London: Policy Network. 56 p.

Panizza F. 2005. Introduction: Populism and the Mirror of Democracy. –*Populism and the Mirror of Democracy.* Ed. by F. Panizza. London, New York: Verso. P. 1-31.

Pappas T. 2014. Populist Democracies. – *Government and Opposition*. Vol. 49. No. 1. P. 1-23. DOI: https://doi.org/10.1017/gov.2013.21

Pappas T. 2015. Modern Populism: Research Advances, Conceptual and Methodological Pitfalls and Minimal Definition. – *Oxford Research Encyclopedias. Politics.* Oxford University Press. http://politics.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-17 (accessed 06.06.2017).

Pappas T., Kriesi H. 2015. Populism and Crisis: A Fuzzy Relationship. – *European Populism in the Shadow of the Great Recession.* Ed. by H. Kriesi, T. Pappas. Colchester: ECPR Press. P. 303-325.

Polk J. et al. 2017. Explaining the Salience of Anti-Elitism and Reducing Political Corruption for Political Parties in Europe with the 2014 Chapel Hill Expert Survey Data. – *Journal of Research and Politics.* January-March. P. 1-9.

Pop-Eleches G. 2010. Throwing out the Bums Protest Voting and Unorthodox Parties After Communism. – *World Politics.* Vol. 62. No. 2. P. 221-260. DOI: https://doi.org/10.1017/S0043887110000043

Populism in Europe and Americas: The Threat or Corrective for Democracy? 2012. Ed. by C. Mudde, Cr. Kaltwasser. Cambridge: Cambridge University Press. 274 p.

Rydgren J. 2005. Is Extreme Right-Wing Populism Contagious? Explaining the Emergence of a New Party Family. – *European Journal of Political Research*. Vol. 44. P. 413-437. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2005.00233.x

Schmitter Ph. 2006. A Balance Sheet of the Vices and Virtues of "Populisms". – *Romanian Journal of Political Science*. Vol. 7. No. 2.

Schumacher G., van Kersbergen K. 2016. Do Mainstream Parties Adopt to the Welfare Chauvinism of Populist Parties? – *Party Politics*. Vol. 22. No. 3. P. 300-312. DOI: https://doi.org/10.1177/1354068814549345

Taguieff P.A. 1995. Political Science Confronts Populism: From a Conceptual Mirage to a Real Problem. – *Telos*. Vol. 103. P. 9-43. DOI: https://doi.org/10.3817/0395103009

The State of Populism in Europe. 2015. Ed. by T. Boros Brussels, Budapest: Policy Solutions and FEPS. URL: http://www.policysolutions.hu/userfiles/elemzes/243/the_state_of_populism_in_europe_in_2015.pdf (accessed 26.04.2017).

Thompson M. 2010. Populism and the Revival of Reform: Competing Political Narratives in the Philippines. – *Contemporary Southeast Asia*. Vol. 32. No. 1. P. 1-28. DOI: https://doi.org/10.1355/CS32-1A

Učeň P. 2007. Parties, Populism, and Anti-Establishment Politics in East Central Europe. – *SAIS Review*. Vol. 27. No. 1. P. 49-62. DOI: https://doi.org/10.1353/sais.2007.0021

Urbinati N. 2013. The Populist Phenomenon. – *Raisons Politique*. Vol. 51. No. 3. P. 137-154. DOI: https://doi.org/10.3917/rai.051.0137

Zakaria F. 2016. Populism on the March. – *Foreign Affairs*. Vol. 95. No. 6. P. 9-15.

Žižek S. 2008. Tolerance as an Ideological Category. – *Critical Inquiry*. Vol. 34. No. 4. P. 660-682. DOI: https://doi.org/10.1086/592539

DOI: 10.17976/jpps/2017.04.06

MODERN POPULISM AS A SUBJECT OF POLITICAL SCIENCE

G.I. Vainshtein[1]

[1]*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

VAINSHTEIN Grigorii Il'ich, Dr. Sci. (Hist.), Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Email: gvoitek@yandex.ru

Vainshtein G.I. Modern Populism as a Subject of Political Science. – Polis. Political Studies. 2017. No. 4. P. 69-89. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.06

Received: 27.03.2017. Accepted: 25.04.2017

Abstract. The article notes that a lack in the political science literature of agreed definition of contemporary populism significantly complicates identification and classification of the political forces that represent this phenomenon. The article examines differences existing in academic researches concerning estimations of the quantitative parameters of European populist parties and their current electoral base. At the same time, the author presents its own calculations of the scale and forms of "populist wave" in Europe, according to which there are today about 90 populist parties in 31 European countries with average level of electoral support of 27% at the general elections in the period from 2013 to the beginning of 2017. As to the explanations of the driving forces of current populist wave, the article notes the absence of sufficient empirical evidence of direct links between the rise of populism and the recent crisis in the European economies. The article underlines that the very economic crisis is viewed by academic community not as the cause of the strengthening of populist tendencies, but only as a catalyst, that intensifies the role of a number of other factors, among which ethno-cultural factor is of particular importance. Special attention is paid to the political scientists' views on the relationship between today's populism and democracy. The article argues that political science increasingly considers as a distinctive feature of contemporary populism its hostility not to democracy as such, but rather towards its liberal component. In conclusion, the author describes the populist impact on changes of the European political landscape and argues that these changes require a rethinking of the problem of differentiation the systemic political parties and populist political forces.

Keywords: populism; radicalism; erosion of democracy; illiberal democracy; anti-system politics; political transformation; ethno-cultural conflict; European political landscape.

References

Abts K., Rummens S. Populism versus Democracy. – *Political Studies*. 2007. Vol. 55. No. 2. P. 405-424. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2007.00657.x

Agh A. Increasing Europopulism as a Megatrend in East-Central Europe. – *Baltic Journal of Political Science*. 2016. No. 5. P. 21-39.

Albertazzi D., McDonnell D. Conclusion: Populism and Twenty-First Century Western Democracy. – *Twenty-First Century Populism: The Spectre of Western European Democracy*. Ed. By D. Albertazzi, D. McDonnell. New York: Palgrave Macmillan. 2008. P. 217-224.

Arditi B. Populism as an Internal Periphery of Democratic Politics. –*Populism and the Mirror of Democracy*. Ed. By F. Panizza. London, New York: Verso. 2005. P. 72-98.

Aytaç S., Öniş Z. Varieties of Populism in a Changing Global Context: The Divergent Paths of Erdogan and Kirchnerismo. – *Comparative Politics*. 2014. Vol. 47. No. 1. P. 41-59. DOI: https://doi.org/10.5129/001041514813623137

Carvalho J. *Impact of Extreme Right Parties on Immigration Policy*. London: Routledge. 2013. 272 p.

Cheeseman N., Larmer M. Ethnopopulism In Africa: Opposition Mobilization In Diverse And Unequal Societies. – *Democratization*. 2015. Vol. 22. No. 1. P. 22-50. DOI: https://doi.org/10.1080/13510347.2013.809065

Chopin Th. The "Populist Moment": Towards a "Post-Liberal" Europe? – *Foundation Robert Schuman. Policy Paper No. 414*. 2016. 8 p.

Cuperus R. Populism Against Globalization: A New European Revolt. – Buonfino A. et al. *Rethinking Immigration and Integration: A new Centre-Left Agenda*. 2007. P. 147-165. London: Policy Network. 190 p.

Cuperus R. The Fate of European Populism. – *Dissent*. 2004. Vol. 51. No. 2. P. 17-20.

Curan G. Mainstreaming Populist Discourse: Race-Conscious Legacy of New-Populist Parties in Australia and Italy. – *Patterns of Prejudice*. 2004. Vol. 38. No. 1. P. 37-55. DOI: https://doi.org/10.1080/0031322032000185578

de Bromhead A. et al. Political Extremism in the 1920s and 1930s: Do German Lessons Generalize? – *Journal of Economic History*. 2013. Vol. 73. No. 2. P. 371-406. DOI: https://doi.org/10.1017/S0022050713000302

Democracy on the Edge. Populism and Protest. London: The Economist Intelligence Unit. 2015. 58 p.

European Populism in the Shadow of the Great Recession. 2015. Ed. by H. Kriesi, T. Pappas. Colchester: ECPR Press. 394 p.

Fukuyama F. American Political Decay or Renewal? – *Foreign Affairs*. 2016. Vol. 95. No. 4. P. 58-68.

Hadiz V. *Islamic Populism in Indonesia and the Middle East*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press. 2016. 203 p. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9781316402382

Han K. The Impact of Radical Right-Wing Parties on the Positions of Mainstream Parties Regarding Multiculturalism. – *West European Politics*. 2015. Vol. 38. No. 3. P. 557-576. DOI: https://doi.org/10.1080/01402382.2014.981448

Ignazi P. *Extreme Right Parties in Western Europe*. New York: Oxford University Press. 2003. 272 p.

Inglehart R., Norris P. *Trump, Brexit, and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and Cultural Backlash*. Faculty Research Working Paper, RWP16-026. Harvard Kennedy School of Government. 2016. 53 p.

Judis J. *The Populist Explosion: How the Great Recession Transformed American and European Politics*. Columbia Global Reports. 2016. 184 p.

Kessel St. *Populist Parties in Europe: Agents of Discontent?* Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan. 2015. 239 p.

Krastev I. The Strange Death of the Liberal Consensus. – *Journal of Democracy*. 2007. Vol. 18. No. 4. P. 56-63.

Kriesi H. et al. Globalization and the Transformation of the National Political Space: Six European Countries Compared. – *European Journal of Political Research*. 2005. Vol. 45. No. 6. P. 921-956. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2006.00644.x

Kriesi H. The Populist Challenge. – *West European Politics*. 2014. Vol. 37. No. 2. P. 361-378. DOI: https://doi.org/10.1080/01402382.2014.887879

Kriesi H., Pappas T. Populism in Europe During Crisis: An Introduction. – Ed. by H. Kriesi, T. Pappas. *European Populism in the Shadow of the Great Recession*. 2015. P. 1-19.

Laclau E. *On Populist Reason*. London: Verso. 2005. 276 p.

Laclau E. *Politics and Ideology in Marxist Theory: Capitalism-Fascism-Populism*. London: NLB. 1977. 203 p.

Mazzoleni G. Populism and the Media. – Ed. by D. Albertazzi, D. McDonnell. *Twenty-First Century Populism: The Spectre of Western European Democracy*. New York: Palgrave Macmillan. 2008. P. 49-64.

Mietzner M. *Reinventing Asian Populism. Jokowi's Rise, Democracy, and Political Contestation in Indonesia*. Policy Studies. 2015. No. 72. Honolulu, Hawai'i. 91 p.

Moffitt B. *Global Rise of Populism: Performance, Political Style, and Representation*. Stanford, Calif.: Stanford University Press. 2016. 248 p.

Moffitt B. How to Perform Crisis: A Model for Understanding the Key Role of Crisis in Contemporary Populism. – *Government and Opposition*. 2015. Vol. 50. No. 2. P. 189-217. DOI: https://doi.org/10.1017/gov.2014.13

Mouffe Ch. The "End of Politics" and the Challenge of Right-Wing Populism. – *Populism and the Mirror of Democracy.* Ed. by F. Panizza. London, New York: Verso. 2005. P. 50-72.

Mudde C. Europe's Populist Surge. – *Foreign Affairs.* 2016. Vol. 95. No. 6. P. 25-30.

Mudde C. Fighting the System? Populist Radical Right Parties and Party System Change. – *Party Politics.* 2014. Vol. 20. No. 2. P. 217-226. DOI: https://doi.org/10.1177/1354068813519968

Mudde C. *Populist Radical Right Parties in Europe.* New York: Cambridge University Press. 2007. 404 p.

Mudde C. The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy. – *West European Politics.* 2010. Vol. 33. No. 6. P. 1167-1186. DOI: https://doi.org/10.1080/01402382.2010.508901

Mudde C. The Populist Zeitgeist. – *Government and Opposition*. 2004. Vol. 39. No. 4. P. 542-563. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x

Mudde C. Three Decades of Populist Radical Right Parties in Western Europe: So What? – *European Journal of Political Research*. 2013. Vol. 52. No. 1. P. 1-19. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2012.02065.x

Mudde C., Kaltwasser Ch. Populism. – *The Oxford Handbook of Political Ideologies.* Ed. by M. Freeden, M. Stears. Oxford: Oxford Publishers Press. 2013. P. 493-513.

Mudde C., Kaltwasser Cr. Populism and (Liberal) Democracy: A Framework for Analysis. – *Populism in Europe and Americas: The Threat or Corrective for Democracy?* Ed. by C. Mudde, Cr. Kaltwasser. Cambridge: Cambridge University Press. 2012. P. 1-26.

Norris P. *Radical Right: Voters and Parties in the Electoral Market.* N.Y.: Cambridge University Press. 2005. 366 p.

Onar N. The Populism / Realism Gap: Managing Uncertainty in Turkey's Politics and Foreign Policy. – *The Center on the United States and Europe at Brookings, Turkey project. No. 8.* Washington. 2016. 24 p.

Painter A. *Democratic Stress, the Populist Signal and Extremist Threat: A Call for a New Mainstream Statecraft and Contact Democracy*. London: Policy Network. 2013. 56 p.

Panizza F. Introduction: Populism and the Mirror of Democracy. – *Populism and the Mirror of Democracy.* Ed. by F. Panizza. London, New York: Verso. 2005. P. 1-31.

Pappas T. Modern Populism: Research Advances, Conceptual and Methodological Pitfalls and Minimal Definition. – *Oxford Research Encyclopedias. Politics.* Oxford University Press. 2015. URL: http://politics.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-17 (accessed 06.06.2017).

Pappas T. Populist Democracies. – *Government and Opposition.* 2014. Vol. 49. No. 1. P. 1-23. DOI: https://doi.org/10.1017/gov.2013.21

Pappas T., Kriesi H. Populism and Crisis: A Fuzzy Relationship. –*European Populism in the Shadow of the Great Recession.* Ed. by H. Kriesi, T. Pappas. Colchester: ECPR Press. 2015. P. 303-325.

Polk J. et al. Explaining the Salience of Anti-Elitism and Reducing Political Corruption for Political Parties in Europe with the 2014 Chapel Hill Expert Survey Data. – *Journal of Research and Politics.* 2017. January-March. P. 1-9.

Pop-Eleches G. Throwing out the Bums Protest Voting and Unorthodox Parties After Communism. – *World Politics.* 2010. Vol. 62. No. 2. P. 221-260. DOI: https://doi.org/10.1017/S0043887110000043

Populism in Europe and Americas: The Threat or Corrective for Democracy? 2012. Ed. by C. Mudde, Cr. Kaltwasser. Cambridge: Cambridge University Press. 274 p.

Rydgren J. Is Extreme Right-Wing Populism Contagious? Explaining the Emergence of a New Party Family. – *European Journal of Political Research*. 2005. Vol. 44. P. 413-437. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2005.00233.x

Schmitter Ph. A Balance Sheet of the Vices and Virtues of "Populisms". – *Romanian Journal of Political Science*. 2006. Vol. 7. No. 2.

Schumacher G., van Kersbergen K. Do Mainstream Parties Adopt to the Welfare Chauvinism of Populist Parties? – *Party Politics*. 2016. Vol. 22. No. 3. P. 300-312. DOI: https://doi.org/10.1177/1354068814549345

Taguieff P.A. Political Science Confronts Populism: From a Conceptual Mirage to a Real Problem. – *Telos*. 1995. Vol. 103. P. 9-43. DOI: https://doi.org/10.3817/0395103009

The State of Populism in Europe. Ed. by T. Boros. Brussels, Budapest: Policy Solutions and FEPS. 2015. URL: http://www.policysolutions.hu/userfiles/elemzes/243/the_state_of_populism_in_europe_in_2015.pdf (accessed 26.04.2017).

Thompson M. Populism and the Revival of Reform: Competing Political Narratives in the Philippines. – *Contemporary Southeast Asia*. 2010. Vol. 32. No. 1. P. 1-28. DOI: https://doi.org/10.1355/CS32-1A

Učeň P. Parties, Populism, and Anti-Establishment Politics in East Central Europe. – *SAIS Review.* 2007. Vol. 27. No. 1. P. 49-62. DOI: https://doi.org/10.1353/sais.2007.0021

Urbinati N. The Populist Phenomenon. – *Raisons Politique*. 2013. Vol. 51. No. 3. P. 137-154. DOI: https://doi.org/10.3917/rai.051.0137

Zakaria F. Populism on the March. – *Foreign Affairs.* 2016. Vol. 95. No. 6. P. 9-15.

Žižek S. Tolerance as an Ideological Category. – *Critical Inquiry.* 2008. Vol. 34. No. 4. P. 660-682. DOI: https://doi.org/10.1086/592539